

Посвящается памяти Анны Джейн...

*Гульшат Бикмулиной – с благодарностью
за любовь к миру этой истории.*

*Тебе от меня не убежать.
Все так же твоя, судьба.*

Пролог

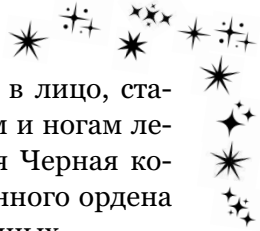
В большом тронном зале «Багряных шпилей» было холодно, темно и пугающе тихо — даже шум бушующей снаружи грозы не доносился сюда сквозь крепкие стены. А еще пахло сухой лавандой — едва уловимо, но терпко. Будто когда-то ее крошили меж пальцев, а затем усыпали пол цветочным пеплом.

Пленник с грубо связанными за спиной руками щурился, пытаясь понять, где он. Из-за пропитавшей воздух тьмы казалось, будто это странное место безлюдно и на каменном троне никого нет, однако это была иллюзия.

Когда алые колдовские огни взметнулись к высокому потолку, пленнику стало понятно, что на троне сидит молодая женщина в черном платье до пят — она с ногами взобралась на него, как девочка подперев щеку рукой.

Женщина пугающе завораживала — тонкая, словно веточка, не лишенная при этом ленивой кошачьей грации. Ее волосы цвета воронова крыла собраны в высокую прическу, холеное белое лицо с высокими скулами и впалыми щеками казалось совершенно отстраненным. Босые ноги черными змеями обвивали татуировки. В темных, густо накрашенных глазах клубилась черничная тьма.

Пленник внимательно вглядывался в лицо, стараясь не выдавать сковавшего по рукам и ногам ледяного страха. Вот она какая, та самая Черная королева, глава «Черной розы», — старинного ордена магов. Могущественных, темных, страшных.

Та, которая с легкостью решила поломать их жизни, ведя свою игру. Люди для нее что букашки. Иные из них не то что жизни — и смерти не достойны.

— На колени перед Черной королевой, — прошипели пленнику в спину по-немецки. Однако он так и продолжал стоять, глядя на нее немигающим взором. Ее тьма околдовывала, подчиняя себе.

Тогда пленника грубо толкнули в спину. И светловолосый парень, чье лицо было в засохшей крови, упал. Его все же заставили встать на колени перед Королевой.

Сломали гордость — последний оплот, за который так отчаянно хваталась душа этого человека.

— Ваше величество, — согнулся в поклоне Карл, выскальзывая из тьмы. — Я привел его вам. Как вы и хотели.

— Замечательно, — обронила Королева, рассматривая парня. Она вдруг легко вскочила со своего огромного каменного трона и по ступенькам быстро спустилась вниз — босой, как и была. Холодный каменный пол ее совершенно не пугал.

Королева бесшумно подошла к стоящему на коленях пленнику и ласково погладила его по мягким светлым волосам, не боясь испачкаться в земле и крови, коснулась щеки кончиками холодных пальцев. Она не делала ничего из того, что могло бы причинить боль, но пленник вдруг напрягся, сжимая пальцы в кулаки — так, что проступили вены на его руках. Ему было жутко. Будто не красивая женщина касалась его, а *монстр*.

Черная королева чувствовала это и улыбалась, наслаждаясь его страхом, смакуя его, будто сладость.

— Не бойся, малыш, — прошептала она, снова глядя его по волосам и играя со светлыми спутанными прядями. — Ничего не бойся в моих владениях. Ты в гостях у Черной королевы. Черная королева покажет тебе все свое гостеприимство.

Плечи пленника дрогнули.

— Почему ты мне не отвечаешь? — нежно спросила она и взяла парня за подбородок тонкими цепкими пальцами с длинными черными ногтями, заостренными так, что казалось, стоит Королеве провести этими ногтями по шее, как появится рана и из ее разошедшихся краев хлынет алая кровь. — Это некрасиво, малыш. Когда старшие разговаривают с тобой, нужно отвечать.

Черная королева склонилась к пленнику и заглянула в его зеленые, широко распахнутые глаза свои, позволяя ему рассмотреть их.

В ее залитых чернилами глазах вспыхивали алые искры.

Как у монстра.

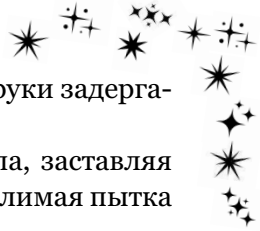
Нет, это и были *глаза монстра*.

К страху примешалось отвращение, и Черная королева будто почувствовала и это. По ее белому лицу пробежала тень.

— Некрасиво, — покачала головой она и с размаху ударила пленника по щеке. Тонкая женственная рука била с неожиданной силой, и голова пленника откинулась назад.

Взгляд Черной королевы стал пристальным, немигающим — и парень вдруг закричал от дикой боли — казалось, что его голова разрывается на части. Пленник упал на ледяной пол. Его глаза зака-

тились, спина выгнулась дугой, ноги и руки задергались, словно в судорогах.

Эта боль была невыносимой. Терзала, заставляя желать лишь одного — чтобы эта невыносимая пытка прекратилась. Она сводила с ума.

— Непослушание наказывается болью, малыш, — прошептала Черная королева, любуясь делом своих рук, будто художник — своею картиной.

— Он не знает немецкого, ваше величество, — почтительно склонившись к Королеве, тихо сказал Карл. — Позвольте, я буду переводчиком.

— Вот как? — словно удивилась она и моргнула.

Пытка болью прекратилась. Пленник затих на полу, тяжело дыша, — он так и не потерял сознание, но с трудом осознавал реальность. Черная королева легко опустилась на холодный каменный пол и прижала парня к себе, легко удерживая, словно ребенка. Ее хрупкость была обманчива, силы в ней оказалось немерено.

От нее и пахло сухой лавандой — засушенными растерзанными цветами.

— Ты такой милый, — говорила Черная королева, и ее пальцы снова стали играть с его волосами. — Одухотворенный. Так должны выглядеть художники, актеры или поэты. Ты отлично вписался бы в мою свиту, малыш. Жаль, что ты связался с отбросами. Адрианиты слишком жалкие. Как бродячие псы, что бросаются на людей. Такие заслуживают смерти, согласен? А ты другой, породистый. Ты ведь не хочешь умирать? Такие, как ты, должны хотеть жить. Как тебя зовут, мальчик мой?

Черная королева отстранила пленника от себя — ее пальцы снова впились в его подбородок, царапая ногтями до крови. Карл, стоящий рядом, глухо переводил ее слова на русский.

— Ярослав, — с трудом вымолвил пленник, глядя в пол. — Ярослав Зарецкий.

— Я-рос-лав, — словно пробуя его имя на вкус, произнесла Черная королева. — Какое глупое имя. Я бы назвала тебя иначе, будь ты моим. Иоганн или Эрих.

Слыша, как с уст Черной королевы вместе с облачком пара слетает его имя, пленник напрягся.

— Ее величество спрашивает, хочешь ли ты жить? — бесстрастно продолжал Карл.

— Х-хочу, — прошептал едва слышно Ярослав.

— Громче, — велел Карл.

— Хочу. Очень... хочу.

Черная королева с интересом смотрела на пленника — ей нравился его голос.

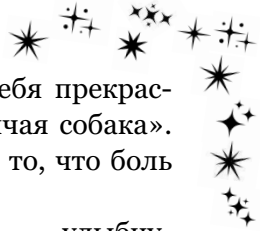
— Ее величество говорит, что жизнь — великое благо, которым не стоит разбрасываться по пустякам. Она спрашивает, что ты готов сделать ради того, чтобы жить?

— *Все*, — выдохнул Ярослав.

— Тогда ты сделаешь *все*, что скажет Черная королева. Иначе умрешь, — сказал Карл, выслушав ее.

— Что я должен сделать? — облизнул разбитые в кровь губы пленник и вздрогнул — Черная королева снова коснулась его волос, говоря что-то на немецком.

— Жизнь за жизнь — это справедливая плата. За свою жизнь ты должен заплатить Черной королеве чужой жизнью, — произнес Карл, наблюдая, как ее величество обнимает Ярослава — словно большого плюшевого медведя, нового в ее коллекции, и едва слышно выдохнул — к нему она была настроена не так нежно. Черная Королева любила, когда ее верная Гончая испытывала боль. «Тебе идет боль, — обронила Королева однажды, оставляя на загорелой

коже следы от плети. — Она делает тебя прекрасным и мужественным, моя верная Гончая собака». И Карл Ротенбергер верил ей. Верил в то, что боль красит его. Раньше верил.

— Я покажу тебе кое-кого, малыш, — улыбнулась Черная королева, отстранившись от пленника, чье лицо искажал страх — Карл знал, что этот страх въедается в кожу. Но хуже всего, если он въедается в душу — тогда от него никогда не избавиться. Страх — словно клеймо. И всякий, кто будет сильнее, увидит это клеймо.

— Ты знаешь ее? — Черная королева нетерпеливо щелкнула пальцами, и в воздухе появилось полупрозрачное изображение симпатичной девушки с пшеничными волосами и серьезными серыми глазами. Ярослав сглотнул. И когда Карл скучающим тоном перевел ему слова Королевы, ответил дрожащим голосом:

— Это... Это Настя. Моя... подруга, — тихо сказал он.

— Убей ее, — просто сказала Черная королева.

— Убей ее, — глухо повторил Карл.

«Убей ее», — тонко пропели черные давящие стены.

— И тогда ты сохранишь свою жизнь, — продолжал Карл. — Жизнь Анастасии Мельниковой в обмен на жизнь Ярослава Зарецкого. Ты сделаешь это?

Пленник несмело кивнул и закрыл глаза. По его лицу покатилась слеза. Черная королева стерла эту слезу ледяным пальцем и попробовала на вкус.

— Чистая душа, — прошептала она, закусывая алую губу. И вдруг улыбнулась. Красивое лицо озарилось уродливой улыбкой. И в это мгновение стало понятно, что Черная королева куда старше, чем кажется.

— Принеси клятву и убей ее, малыш. И я не только сохраню твою жизнь, но и приму к себе. Ты нравишься мне.

— Вы обещаете не убивать меня? — осмелев, вдруг спросил пленник сухими губами.

— Смеешь сомневаться в ее величестве? — стиснул зубы Карл.

— Я просто... хочу жить, — сказал пленник с мукой в голосе.

— Тогда закрой рот. И делай, что приказала ее величество.

— Вы обещаете? — повторил Ярослав, не отрывая взгляд от прекрасного юного лица Черной Королевы. Она снова почувствовала его страх и блаженно улыбнулась.

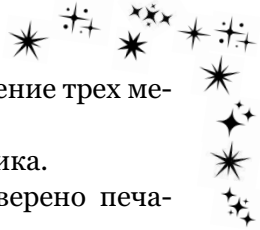
— Что он говорит? — нетерпеливо спросила она Карла. Тот перевел.

— Неужели ты мне не веришь, мой мальчик? — звонко рассмеялась она. — Что ж, тебе будет оказана великая милость — я принесу ответную Клятву. Начнем. Карл, — властным тоном велела она, отбросила Ярослава в сторону и резко встала с пола. Она достала из складок платья кинжал и легко, будто не чувствуя боли, порезала им свою щеку. А после бросила кинжал к ногам своего гончего пса.

Тот моментально понял свою госпожу. Он помог Ярославу подняться, крепко взял чуть выше запястья и полоснул по коже окровавленным лезвием. Кровь из раны стекала по руке и капала вниз, на каменные плиты. Там, куда попадали алые капли, с шипением возникали тонкие струи дыма и тотчас испарялись.

Не отпуская запястья Ярослава, Карл прошептал несколько слов. С кончиков его пальцев сбежали черные искры и устремились к ране, обжигая кожу.

— Кровь за кровь. Тело за тело. Жизнь за смерть. Ярослав Зарецкий, клянись, что лишишь жизни Анастасию Мельникову в обмен на свою жизнь.

И если клятва не будет исполнена в течение трех месяцев, ты примешь смерть вместо нее.

— Клянусь, — сорвалось с губ пленника.

— Да будет так, как обещано и заверено печатью, — вымолвил Карл.

Черные искры превратились в замысловатый овальный рисунок на запястье Ярослава, вспыхнули алым и исчезли.

— Кровь за кровь. Тело за тело. Жизнь за смерть. Клянусь оставить тебя в живых, Ярослав, если убьешь ту, которую обещал мне лишить жизни, — прошептала Черная королева. — И если клятва не будет исполнена, приму смерть вместе с тобой.

— Да будет так, — продолжил Карл. Черные искры с пальцев Карла устремились к порезу на щеке его госпожи, вспыхнули и тоже исчезли — вместе с порезом, словно его и не было. Ее лицо оставалось все таким же прекрасным.

На мгновение в тронном зале повисла тишина, которую разбил смех Черной королевы. Смеясь, легкой походкой она подошла к окаменевшему пленнику и крепко поцеловала в губы — ей было все равно, что на них запеклась кровь. Так еще слаще. Еще острее.

На поцелуй Ярослав не отвечал — будто терпел ее ледяные губы на своих. И Черная королева, мгновенно разозлившись, вновь ударила его по лицу, заставляя пошатнуться.

— Поцелуй ее величества — честь, — сказал Карл негромко. Но в голосе его было предостережение. — Ответь взаимностью. Не зли ее.

Королева вновь потянулась за поцелуем, запустив цепкие пальцы в волосы Ярослава.

— Ты такой милый. Мой поэт. Художник. Актер. Будешь украшением моей свиты. Я чувствую в тебе

отголоски сильной крови, — она глубоко втянула воздух около его бледной щеки. — Жаль, что ты пуст. Твою магию я бы выпила до дна.

Ее холодные, словно лед, губы коснулись его скулы, ласково прошлись по щеке, вновь нашли губы Ярослава. Но теперь Королева не пыталась поцеловать его — она слизнула капельку крови и закрыла глаза, словно прислушиваясь к своим ощущениям. Тень от ее длинных ресниц падала ей на лицо.

— И кровь сладкая, — прошептала Черная королева. — Уходи. И исполни клятву, — она резко вонзила острые, будто стальные, ногти в его предплечье, и на руке вздрогнувшего Ярослава появилась кровь. Королева обмакнула в нее кончики пальцев и размазала по своим губам — они тут же заблестели алым.

— Такой милый. Я поиграю с тобой, как следует, когда ты исполнишь клятву, когда сломаешься, — сказала она мечтательно и взошла на трон. — Уведите мальчика. Все вон! Все! Карл, останься.

Ярослава тотчас снова схватили под руки и поволокли прочь из тронного зала. В нем остались лишь Ротенбергер, покорно ставший на колено, и его госпожа.

Огни погасли, тьма окутала их. Стоило Ярославу сделать шаг за порог, как он услышал вдруг крик Карла. А потом кованые массивные двери захлопнулись. И снова наступила тишина.

Ярослав шел, превозмогая боль во всем теле. И в голове его билась только одна-единственная мысль.

Анастасия Мельникова должна умереть.

Жизнь за смерть.

Кожа там, где ее коснулись черные искры, горела, будто от ожога. Но на ней не осталось ни следа. Только кровь.

Месяц назад

Их было восемь.

Четыре женские тени. Четыре — мужские.

Они обступили нас полукругом, заставляя шагать назад, а за спиной морским прибором вздыхала бездна.

Их глаза сияли будто хрусталь под лучами зимнего солнца. А по их рукам пробегали искры — оново-синие, то ярко вспыхивающие, то гаснущие; изредка они срывались с кончиков пальцев и падали на землю, тотчас растворяясь в ней.

Тени стояли напротив нас на высоком уступе скалы, над которой сверкало звездами, словно глазами, густое черное небо. В лицо нам дул холодный ветер, несущий горечь луговых трав и запах морской соли. Внизу неистово бились о скалы волны — темные, как и небо. Лунный свет падал на наши лица, но их лица скрывал.

Мы с Ярославом крепко держали друг друга за руки, не в силах оторвать взгляд от теней. Мы были так заморожены ими, так околдованы, что почти не чувствовали страх. Но каждая мышца во мне была напряжена, каждый вздох наполнен решительностью, и каждую секунду я готова была бежать прочь.

Мы обязательно спасемся.

Где-то раздался взрыв смеха — кто-то словно услышал мои мысли.

Тени дружно шагнули вперед, и нам с Ярославом пришлось сделать шаг назад. До края уступа оставалось несколько метров.

Они хотят, чтобы мы упали в объятия бездны?

Не дамся!

— Кто вы? — с трудом разомкнула я губы.

— Что вы от нас хотите? — хрипло подхватил Ярослав, закрывая меня плечом и не отпуская мою ладонь. Его пальцы были холодными — как и всегда, но отчего-то это меня успокаивало. Я знала, что он — настоящий. Даже в этом мире, сотканном из иллюзий, он — живой.

— Добра, — прошептала женская тень, и мне показалось, что я уже слышала этот голос.

— Тогда отпустите, — потребовал он. — Дайте уйти.

Вместо ответа они сделали еще один шаг, заставляя нас снова отступить.

— Вы хотите, чтобы мы упали? — спросила я срывающимся голосом, понимая — еще несколько шагов, и отступать будет некуда. Мы сорвемся со скалы.

— Мы хотим вас спасти, — подала голос мужская тень — самая высокая. И этот голос показался знакомым.

Ветер усилился — завыл так протяжно, что похолодело внутри. Тонкой нитью сверкнула молния, и почти сразу же где-то вдалеке разразился громовой запал. На нас надвигалась гроза.

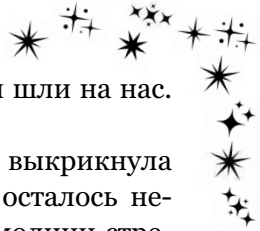
— Не похоже, — усмехнулся Ярослав. — Эй, отпустите хотя бы ее. Дайте ей уйти. А я останусь.

— Нет, нельзя! Нельзя! — подхватила женская хрупкая тень. Почему мне кажется, что и ее я когда-то слышала?..

— Вы останетесь оба, — покачала головой мужская тень. Они снова сделали шаг в нашу сторону, заставляя отступить. Я кожей чувствовала дыхание морской бездны. Она ждала нас. Она приготовила нам лучшие свои песни. И обещала бережно спрятать в самых своих глубинах.

Еще один шаг и еще... Тени взяли друг друга за руки, и искры перебежали по их запястьям, обвива-

ли предплечья и таяли на волосах. Они шли на нас. А мы — в бездну.

— Кто же вы такие, черт подери! — выкрикнула я с отчаянием, понимая, что до края осталось несколько шагов. Ветер неистовствовал, молнии стрелами летали над нами, из-за грома сотрясалась скала. Гроза приближалась.

— Не узнала? — прошептала первая женская тень. — Мы были с тобой так долго. Ты — и я. Ты носила меня на руке, любуясь моим светом и в то же время не замечая. Ты слышала мой шепот в своих снах. Ты стала моей хозяйкой.

— Не узнала? — следом за ней спросила мужская тень. — Я и моя сестра оставались на ваших пальцах все эти дни. Я и моя сестра знаем вашу тайну. Я и моя сестра и есть ваша тайна.

— Что? — переспросила я, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Я не понимала, о чем они говорят. А Ярослав, кажется, догадался.

— Браслет? — вдруг прошептал он потрясённо. — Это ты?

— Я. Мы тянем время, чтобы маги могли... — закончить тень не смогла — разразилась гроза. Она словно прорвалась из-за невидимого заслона, и ветер разметал тени в разные стороны, как перья. Только тогда я поняла, что они не наступали на нас. Они защищали. Закрывали спинами, окружив нас полукольцом, сдерживая нечто неведомое, заставляющее их отступить. Нечто могущественное и жуткое. Нечто, желающее убить нас.

Над нами разразился хохот. Женский. Довольный. Страшный.

Косые струи хлестали по лицу. Гром оглушал. Порыв яростного ветра толкнул нас в грудь, и мы оба отлетели к самому краю уступа.

— Держись за меня! — закричал Ярослав, вцепляясь в мою руку. Он до последнего верил, что защитит. Но новый порыв дьявольского ветра не оставил нам обоими шанса — мы оступились. Последним, что я видела, прежде чем упасть, была яркая длинная молния. Мощный столб ударил в скалу, осветив пространство, и вдалеке я увидела смутно знакомую женскую фигуру. А после полетела вниз, рассекая плотный соленый воздух и крича так, что разрывались легкие.

| 16

Волны приняли меня бережно — как и обещала бездна, которую они хранили под собой. Я погрузилась в ледяную воду и долго боролась, преодолевая боль и пытаясь выплыть. Но тщетно — на моей щиколотке появилась тяжелая цепь, тянущая на дно.

Ниже, ниже, ниже...

Воздуха не хватало. Мысли путались. Грудь стала каменной. Даже боль уходила — осталась одна усталость.

Я угасала.

Тьма поглощала меня. Бездна готова была принять.

Я почти потеряла сознание.

«Хозяйка, проснись, — зашептали вдруг на ухо высокие травы. — Проснись, ты должна бороться. Хозяйка!»

Правое запястье обожгло теплотой. И я вдруг увидела перед собой странные картины, быстро сменяющие друг друга. До ужаса знакомые, но забытые.

Меня несут на руках вниз по ступеням.

Кладут на холодный камень в полутёмном зале.

Четверо людей в широких мантиях стоят напротив меня и разговаривают о чем-то — я не могу разобрать ни слова. У одного из них в руках волшеб-

